

УДК 811.511.152'367

Л.П. Водясова

Темпоральность сложного синтаксического целого в современном эрзянском языке

Аннотация. В статье на материале современного эрзянского языка анализируется темпоральность сложного синтаксического целого, отмечается, что статичность или динамизм этой единицы текста зависят от форм времени сказуемых и определяются их коммуникативным назначением.

Ключевые слова: сложное синтаксическое целое, ССЦ однородного синтаксического состава, ССЦ смешанного синтаксического состава, темпоральность, сказуемое.

L.P. Vodyasova

Temporality complex syntactic unit in modern Erzya language

Summary. Article analyses on the material of the modern Erzya language the temporality of complex syntactic unit, points out that the static or dynamic text units that depend on the forms of verbs time and identifies their communicative purpose.

Keywords: complex syntactic unit, complex syntactic unit homogeneous syntactic structure, complex syntactic unit the mixed composition of syntax, temporality, predicate.

Текст представляет собой достаточно сложное, многообразное и в то же время интересное явление. Его основной единицей в современном эрзянском языке является сложное синтаксическое целое (ССЦ), представляющее собой тесное семантико-синтаксическое и модальное единство, и характеризующееся темпоральностью.

Темпоральность ССЦ предполагает относительность форм времени сказуемых [1, 138; 2, 115; 3, 142].

В ССЦ с цепными (последовательными) связями между компонентами эта соотносительность имеет важное значение при создании семантической целостности единства, так как любая связь сама по себе не создает движения времени. Статичность ССЦ или его динамизм зависят, прежде всего, от форм времени глаголов-сказуемых и определяются их коммуникативным назначением. Между собой они, как совершенно справедливо подчеркивает З.Я. Тураева, «вступают в интегративные отношения». На оппозиции, существующие на парадигматическом уровне, накладываются содержательные категории текста, и семанти-

ческие функции временных форм глаголов-сказуемых усложняются. Они участвуют в выражении художественного времени, в формировании точки зрения, с которой ведется повествование, в изменении временной позиции рассказчика, в переключении авторского времени на индивидуальное время персонажа и т.д., а также могут играть «определенную роль в усложнении композиционной структуры, в создании множественности временных позиций» [4, 36].

В ССЦ с цепным (последовательным) объединением компонентов употребляются различные формы времени глаголов: настоящего-будущего, прошедшего или сочетания этих форм: Паро ежосо атясь кундась тевезэнзэ. Ерась толбандянь теэмс пенгеть. Покш керьме эйтэст совавть кудыненень. Кадовикстнэнь вачкинзе ушос <...> Витнинзе кевтнень – тонол ютковаст илязо пра кияксос. Вачкинзе, кода эрять, пенгетнень, верьгедсь тол <...> (М. Брыжинский) «С хорошим настроением старик принялся за работу. Приготовил дрова для костра. Большую вязанку из них занес в домик. Оставшиеся сложил на улице <...> Под-

правил камни – головешки чтобы не падали на пол. Сложил как следует дрова, выжег огонь <...>». В этом ССЦ, состоящем, в основном, из простых по структуре предложений, все глагольные сказуемые выражены формами прошедшего времени. Действия относятся к одному субъекту, поэтому входят в отношения однородности между собой. Важная роль при этом отводится первому глаголу – кундась «принялся», который вместе с именем существительным тев «дело», «работа», употребленным в форме иллатива притяжательного склонения, образует устойчивое сочетание кундась тевезэнзэ «принялся за работу». Форма этого глагола позволяет представить факты прошлого как единичные, завершённые, занимающие определенное положение на временной оси и неактуальные для последующего временного плана. Ряд глаголов с таким значением всегда передает последовательно совершающиеся действия. ССЦ подобного типа синонимично простому предложению, осложненному однородными сказуемыми:

ССЦ = (П – С₁) – (П – С₂) – (П – С₃) – (П – С₄) – (П – С₅) – (П – С₆ – С₇)*.

Если же в ССЦ действия производят разные субъекты, то выделяется несколько рядов соотносительных глагольных форм в зависимости от количества субъектов: Валскестэнтъ Надя тусь роботамо кавксоце чассто. Ялганть мерсь удомодо. Туемстэ втызе, кода пекстави кенкшесь. Таня веть удось беряньстэ, ялганть туемадо мейле таго матедевсь (К. Абрамов) «Утром Надя ушла на работу в восьмом часу. Подруге велела спать. Перед уходом рассказала, как закрывается дверь. Таня ночью спала плохо, после ухода подруги снова заснула. Встала около десяти часов». В этом ССЦ два ряда соотносительных форм глаголов-сказуемых: первый ряд: тусь «ушла», мерсь «велела», втызе «рассказала» – ими обозначаются действия, принадлежащие первому субъекту (Наде) (П₁); второй ряд: удось «спала», матедевсь «заснула» – ими обозначаются действия Тани (П₂). Действия второго субъекта вызваны

и обусловлены действиями первого субъекта: ССЦ = (П₁ – С₁) – (П₁ – С₂) – (П₁ – С₃) – (П₂ – С₄ – С₅).

В цепных ССЦ, компонентами которых являются простые предложения или сочетания простых и сложносочиненных, бессоюзных сложных (а в редчайших случаях – и сложноподчиненных) употребляются формы и настоящего времени.

Форма настоящего времени в современном эрзянском языке является самой объемной в своем семантическом содержании. Наиболее типичными для нее следует считать случаи, когда она или показывает действие, совпадающее с моментом речи, или же служит для выражения действия или состояния постоянного характера. Кроме того, может использоваться для обозначения качественной характеристики лица или предмета. Форма настоящего времени придает речи естественность и строгую официальность, научность и художественную изобразительность. Она легко переносится в план прошлого и будущего и создает яркий, наглядный образ происходящего. В силу этого широко употребляется в разговорной и деловой, научной и художественной речи: Чись кумболды, ды лангозонзо а зярдю ваномс – тевть. Тундостонтъ ушолевкшни кизэсь. Паро уцяска сон канды эли майсемат? Кие соды. Ломанесь ялатеке кеми вадрянтень, кеми эсь превтнес ды кедь вийтнес. А кшить, а ловсот менельстэ а пракшныть. Ливезьсэ рунгонть а валносак – Нишке пазоськак а андтанзат <...> (А. Доронин) «Солнце переливается, да глядеть на него некогда – дела. С весны начинается лето. Счастье оно несет или страдания? Кто знает. Человек все-таки надеется на хорошее, надеется на свою голову и силу рук. Ни хлеб, ни молоко с неба не падают. Потом тело не обольешь – и Всевышний не накормит <...>». Как видим, в этом примере сказуемые во всех компонентах этого ССЦ выражены глаголами в форме настоящего неактуального (изобразительного, или описательного) времени. Настоящее изобразительное не воспроизводит

* П – подлежащее, С – сказуемое, индекс указывает на количество и порядок расположения сказуемых.

действие как процесс (не передает его длительность, отношение к результату и т.д.), а только называет его. Именно благодаря этому свойству предложения со сказуемыми в форме этого времени легко преобразуются без потери своих грамматических свойств в номинативные (ср. в нашем примере: Кумболдыця чись <...> Тундостонть ушолевкшница кизэсь. Паро уцяскань эли майсемань кандыця? <...> «Переливающееся солнце <...> С весны начинающееся лето. Счастье или страдания приносящее? <...>»). Называя действие, формы настоящего изобразительного времени показывают его как бы «остановившимся». В развернутых поэтических описаниях формы настоящего времени с изобразительным значением, выражая «остановившееся» действие, могут еще более изолироваться от конкретных условий восприятия, не теряя, однако, обобщенного значения настоящего времени, непосредственно отражающего реальную действительность. Они утрачивают в большой степени значение глагольности, приобретая качественное значение. Этим объясняется легкость перехода двусоставных предложений с настоящим изобразительным в односоставные номинативные и их широкая распространенность.

Употребление форм настоящего времени в монологической речи связано с жанровыми особенностями художественной литературы: наличием внесюжетных элементов, пейзажных и портретных зарисовок, авторских отступлений. Когда же они включаются в ткань повествования среди форм прошедшего времени, то становятся формами рассказа. Употребляются они переносно и реализуют значение настоящего исторического, основная функция которого живописующая. Формы настоящего исторического используются в тех случаях, когда факту прошлого «придается в данном высказывании принципиальное значение. Он уже не рассматривается как прошедший, а как бы извлекается из прошлого и переносится в плоскость настоящего <...> Прошедшее событие переживается и оценивается в настоящем» [5, 151]. Эти формы служат для выражения самых напряженных, острых

и важных для данной ситуации действий и в то же время являются важным фактором текстообразования: Гармониясь серьгедсь киштема моро. Прок юла, кармась киштеме Микол. Лоштясынзе пильгензэ, таго чары. Пильгетне а токшитькак масторов. Гармония вайгелесь капши. Миколонь пильгетне седеяк киштить <...> (Ф. Чесноков) «Гармонь зятянула плясовую песню. Словно юла, стал плясать Микол (Николай). Хлопнет по ногам, снова кружится. Ноги и пола не касаются. Голос гармонии торопится. Ноги Микола (Николая) быстрее пляшут <...>».

Как правило, повествовательное значение настоящего неактуального (изобразительного (описательного) или исторического) наиболее рельефно проявляется в глаголах движения, перемещения в пространстве или же в глаголах конкретного действия. Эти формы употребляются для придания высказыванию большей живости и изобразительности, хотя само по себе настоящее время обозначает статичность действия. Но в синтагматике речевого процесса, в смене глагольных форм, в их движущей веренице оно приобретает «динамическое движение. Следовательно, динамичность настоящего времени – не непосредственная, а композиционно обусловленная, не тематико-морфологическая, а сюжетно-синтаксическая.

В ССЦ с параллельными связями соотносительность форм времени глагольных сказуемых играет исключительно важную роль. В них временные планы размещаются как бы параллельно друг другу, не пересекаясь и не проникая один в другой: Чопотетьсь. Кармась экшендеме. Ушосо марявьсть вайгельть, парасть скалт, реветь (Ф. Чесноков) «Стемнело. Стало холодать. На улице слышались голоса, мычали коровы, овцы». Сама структура этих единств, состоящих из автосемантических предложений, подчеркивает параллельность, одновременность независимых или слабо связанных друг с другом действий, событий, процессов в одном модально-временном плане.

В них не может быть выражена последовательность действий, что, как известно, весьма типично для единств с цепными связями.

Наряду со ССЦ, однородными по структуре, встречаются единства и смешанного синтаксического состава. Это объясняется, прежде всего, тем, что темпоральный механизм текста предполагает наличие интегральных отношений всех его компонентов. Таким образом, естественно, что процесс формирования темпоральной структуры предполагает опору не только на глагольные единицы, но и другие компоненты семантической организации. Прежде всего, в эрзянском языке возможна сочетаемость глагольных сказуемых с различными предикативными единицами неглагольного типа. Так, ССЦ с единым планом настоящего времени может начинать безличное предложение с главным членом, морфологически выраженным словом категории состояния. Нулевая связка и наличие предикативных суффиксов служат показателями темпоральности. Зачин фактически устанавливает временную перспективу настоящего времени и требует, чтобы последующие глагольные сказуемые стояли непременно в форме этого времени: Тошна. Авардемат сы. Рунгот мик карми чулгсетеме, седеескак съкирязь съкиряты <...> («Сятко») «Тошно. Плакать хочется. Тело даже начинает ломить, и сердце щиплет <...>».

Зачином ССЦ может быть и номинативное предложение, грамматической особенностью которого является то, что темпоральность его выражается самой структурой предикативной единицы. Чаще всего номинативный зачин выступает в сочетании с бисубстантивными и двусоставными личными предложениями со сказуемым, выраженным глаголом в форме настоящего времени. Реже встречаются двусоставные предложения со сказуемым, выраженным глаголом в форме прошедшего времени или вербализованными частями речи (с глаголом-связкой и с предикативными суффиксами), а также односоставные безличные предложения. По синтаксическому строю и значению эти предложения близки к номинативным и имеют ярко выраженный описательный характер. В составе ССЦ они объединяются единой модальностью и единым временным планом: Декабрянь потмура чи. Ушосонтъ колоньге-

меньшка градус. А аштеваткак вейке таркасо. Ильтятано меельце ки лангов эрзянь покштояк покш писатель, паро ломань, конань книганзо коряс эйкакштне тонавтнить школасо. Тонавтнить вечкеме эсест раськест, тиринь модаст, эрямонтъ, эрзянь келентъ («Сятко») «Пасмурный декабрьский день. На улице около тридцати градусов холода. На одном месте не постоишь. Провожаем в последний путь большого эрзянского писателя, хорошего человека, по книгам которого дети учатся в школе. Учатся любить свой народ, родную землю, жизнь, эрзянский язык». В ССЦ с номинативными зачинами невозможно сочетание компонентов со сказуемыми, выраженными в одних случаях глаголами в форме настоящего времени, в других – прошедшего, хотя в текстах эрзянских авторов подобные факты встречаются (например: 1931-це ие. Велесэнтъ мольсть полавтомат <...> («Сятко») «1931-ый год. В селе шли изменения <...>»). На наш взгляд, подобная путаница происходит из-за неумения строить текст и незнания законов эрзянского языка. Исключение из этого правила составляют сказуемые в форме прошедшего времени с перфектным значением. Специфика этой формы, как известно, состоит в том, что она обозначает действие, полностью осуществившееся в прошлом, до момента речи, причем результат этого действия длится в настоящем. В отличие от большинства финно-угорских языков, в мордовских отсутствуют специальные показатели перфекта. Его значение, как справедливо отмечает Б.А. Серебренников, передается формами первого прошедшего времени [6, 225]: Талай сексь. Ансяк чипаентъ лангс а вановат – манейдеяк маней. Кенерезь умарень медьбарвонь чинесь срадсь эрва кува <...> (Т. Разгуляева) «Поздняя осень. Только на солнце не взглянешь – яснее ясного. Медовый запах созревших яблок распространился везде <...>».

В пределах ССЦ с планом прошедшего времени глагольные предикаты могут сочетаться с неглагольными (именными): <...> панксонъ панкс, ютась икельганзо [Надянь] весе эрямозо. Те нурька эрямосонтъ сех валдо таркакс ульнесь Петянь вечкемась. Сон ульнесь аволь

ансяк валдо, сон ульнесь ванькс. Ней Петя арась. Сон арась умок. Татьяна Михайловнань евтамось – меельце аволдамо, кона допрок керизе се пиксэнтъ, конась сюлмась ютазентъ те чинть марто (К. Абрамов) «<...> лоскут за лоскутом, прошла перед ней [Надей] вся жизнь. В этой короткой жизни самым светлым местом была любовь Пети. Она была не только светлой, она была чистой. Теперь Пети нет. Его нет давно. Сказанное Татьяной Михайловной – последний взмах, который полностью отрезал ту веревку, которая связывала прошлое с сегодняшним днем». В последних четырех компонентах этого ССЦ мы наблюдаем наличие неглагольных сказуемых. Так, в обеих предикативных частях бессоюзного сложного предложения (Сон ульнесь аволь ансяк валдо, сон ульнесь ванькс «Она была не только светлой, она была чистой») оно выражено качественными именами прилагательными, значение прошедшего времени помогает легко понять вспомогательный глагол ульнесь «была», со-

вместно с которым и образуется эта форма составного неглагольного сказуемого. В последующих двух предложениях сказуемое выражено отрицательной частицей арась «нет» и, наконец, в последнем – именем существительным аволдамо «взмах» в форме номинатива единственного числа основного склонения. Несмотря на то, что в сказуемых глаголы-связки и предикативные суффиксы прошедшего времени выступают в нулевой форме, они имеют описательное значение и сохраняют общий временной план высказывания.

Таким образом, формы времени сказуемых – глагольных и неглагольных – являются одним из важных средств структурирования сложного синтаксического целого, т.к. являются способом выражения его темпоральности. Кроме того, они отражают временные связи не только в ССЦ, но и в целом тексте, так как временная отнесенность высказывания является неотъемлемой характеристикой любой единицы речетворчества.

Литература

1. Водясова Л.П. Средства создания связности текста в современном эрзянском языке. Саранск, 2012. 233 с.
2. Водясова Л.П. Сложное синтаксическое целое как основная структурная единица текста: на материале современного эрзянского языка. Germani: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 165 с.
3. Водясова Л.П. Соотносительность временных форм сказуемых в сложном синтаксическом целом // Филологическое образование: теоретические и прикладные аспекты: Матер. Всерос. НПК с элементами научной школы для молодых ученых «48-е Евсевьевские чтения», 23-25 мая 2012 г. Саранск, 2012. С. 142-148
4. Тураева З.Я. Лингвистика текста. М.: Просвещение, 1986. 126 с.
5. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (Значение и употребление). М.: Просвещение, 1971. 239 с.
6. Серебренников Б.А. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 300 с.

References

1. Vodjasova L.P. Sredstva sozdanija svjaznosti teksta v sovremennom jertzjanskom jazyke. Saransk, 2012. 233 s.
2. Vodjasova L.P. Slozhnoe sintaksicheskoe celoe kak osnovnaja strukturnaja edinica teksta: na materiale sovremennogo jertzjanskogo jazyka. Germani: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 165 s.
3. Vodjasova L.P. Sootnositel'nost' vremennyh form skazuemyh v slozhnom sintaksi-cheskom celom // Filologicheskoe obrazovanie: teoreticheskie i prikladnye aspekty: Mater. Vseros. NPK s jelementami nauchnoj shkoly dlja molodyh uchenyh «48-e Evsev'evskie chte-nija», 23-25 maja 2012 g. Saransk, 2012. S. 142-148
4. Turaeva Z.Ja. Lingvistika teksta. M.: Prosveshhenie, 1986. 126 s.
5. Bondarko A.V. Vid i vremja russkogo glagola (Znachenie i upotreblenie). M.: Pro-sveshhenie, 1971. 239 s.
6. Serebrennikov B.A. Kategorija vremeni i vida v finno-ugorskih jazykah permskoj i volzhskoj grupp. M.: Izd-vo AN SSSR, 1960. 300 s.